

Олег Охотников

Мертвые среди живых

Действующие лица

ОН.

ОНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В темноте звучит звонкий девичий голос.

ДЕВУШКА: Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!

ХОР ДЕТСКИХ ГОЛОСОВ: Всегда готовы!

ДЕВУШКА: А сейчас, товарищи, давайте поблагодарим нашего почетного гостя — героя Советского Союза Дмитрия Романовича Овчаренко.

Звук аплодисментов.

Сцена первая

22 апреля 1957 года.

Актальный зал московской школы. Из коридора доносятся детские голоса. В зале два человека — Он и Она. Ей около 35 лет. Ему чуть больше.

Мужчина сидит на сцене за столом, застеленным красной тканью. Над ним плакат с профилем В. И. Ленина и надписью: «Да здравствуют юные пионеры — достойная смена Ленинского комсомола!» Чуть ниже и сбоку висит портрет Н. С. Хрущева.

Женщина находится в зале, сидит на заднем ряду, неподалеку от двери в коридор.

Мужчина обхватил голову руками, поэтому не видит ее.

Внезапно женщина резко встает, откидное сиденье громко хлопает о спинку кресла.

Мужчина вздрагивает, смотрит на женщину, которая идет к нему по проходу.

ОНА. Плохо. Очень плохо. Ужасно. Никуда не годится.

ОН. Га? *(Он сильно «гхакает».)*

ОНА. Бессмыслица. Пердимонюкль. Сапоги всмятку.

Он скрипит стулом, смотрит вниз, на свои сапоги.

ОНА. На меня смотреть. С вами женщина разговаривает.

ОН. Шо?

ОНА. Текст был написан. Утвержден и завизирован. Выучить и рассказать. Почему нет?

ОН. Та я...

ОНА. Сейчас поздно. Поезд ушел.

ОН *(глядя на часы)*. Да?

ОНА. Да! Раньше надо было говорить. «До», а не «после». Ясно?

ОН. Та не дуже. Вы хто?

ОНА. Совесть... *(С трудом справляется с кашлем.)*

ОН. Хто?!

ОНА. Совесть надо иметь!

ОН. А я шо? Я разве против?

ОНА. Лучше бы я вместо вас Аргутинскую позвала. Она правда старенькая, болеет все время...

ОН. Кого?

ОНА. Аргутинскую. Люсю Александровну. Ну?

ОН. Вперше чую. Якась Люся...

ОНА. Это писательница. Она книжку про Татьяну Соломаху написала.

ОН. Про кого?

ОНА. Да вы издеваетесь надо мной?!

ОН. Я?

ОНА. Вы... Да вы... *(Закашлялась.)*

ОН. Можа вам водички трэба? *(Берет стакан, наливает воду из графина.)* Ось. *(Протягивает ей стакан.)* Хвораете?

Она качает головой, продолжает кашлять.

Та я ж бачу, як вам злэ. Выпейте.

Она качает головой. Он пожимает плечами, «опрокидывает» стакан в себя.

ОНА *(внезапно)*. Вы что?... Вы?..

ОН. Шо такэ? У чому справа?

ОНА. Вы пьяный?

ОН. Та ни! Ни в коем разе!

ОНА. От вас пахнет!

ОН. Так то вчора! С сусидом... трошки... в честь праздничка...

ОНА. Что? Вы... Вы что?.. Вы Пасху отмечали?

ОН. Мы?

ОНА. Вы!

ОН. Мы — ни. Ни за що! Мы за Ильича пили! Це свято!

ОНА. А почему пили вчера? День рождения Ленина — сегодня.

ОН. Так воскресенье ж. А у понедилок сусиду на работу. Вин дильнычный.

ОНА. Кто?

ОН. Сусид мой.

ОНА. Я спрашиваю, кем он работает.

ОН. Выбачьте, нэ зрозумив. Участковый он.

Пауза.

ОНА. Даааааа, Дмитрий Романович...

ОН. Шо?

ОНА. Вы тот еще фрукт.

ОН. Шо опять не ладно? Чого вы хотите вид мене?

ОНА. Я от вас уже ничего не хочу. Разговор окончен. Вы мне противны.

ОН. Тю-ю!

ОНА. Прощайте! *(Идет к выходу.)*

*Он снимает со спинки стула трость, с трудом подымается с места, ковыляет к окну.
Она открывает дверь в коридор, оборачивается, смотрит на него.
Он открывает окно, достает пачку папирос, достает одну, разминает.
Она закрывает дверь, идет к нему.
Пауза.*

ОНА. Что с ногой?

ОН *(не сразу)*. Нэма ноги. Отмёрзла.

ОНА. К холоду нельзя привыкнуть.

ОН. Га?

ОНА. Товарищ Шелепин так всегда говорит.

ОН *(оживился)*. Это який Шелепин? Борец? Со Львовского «Буревестника»? Вин ще в пятьдесят пятом на чемпионате Союза срибло взяв?

ОНА. Нет, не он.

ОН. А, ну так. Тот був Широков.

ОНА. Шелепин — первый секретарь ЦК ВЛКСМ. Он себе ноги на финской отморозил.

ОН. Зрозумив.

ОНА. Дайте папиросу.

ОН. Пригощайтесь. *(Протягивает пачку.)*

Она берет папиросу, неумело разминает ее.

(Смеется.) От жинки пошли, цигарки смокчут, як леденцы на палочке.

ОНА. Осуждаете?

ОН. Я? Ни. И вам не советую.

ОНА. Курить?

ОН. Осуждать.

Пауза.

ОНА. Послушайте. Вы должны меня понять.

ОН. Та я понимаю.

ОНА. Нет, вы выслушайте меня, не перебивайте.

ОН. Ну?

ОНА. Это ведь ответственное мероприятие. Приём в пионеры — память на всю жизнь. А дети... Дети — они как губки. Все впитывают, все понимают. Запоминают все. А вы вышли и что-то невразумительное стали бормотать. Да еще и с похмелья. Стыдно! Перед детьми стыдно!

ОН. Та незвычайный я речи толкать.

ОНА. Ну что это за слова?! «Толкать». Будто товар на барахолке.

ОН. Звиняйте, иньших слов у меня для вас нэма. Институты не кончали. Пять классов тильки в школу и ходил.

ОНА. Да при чем тут!.. Товарищ Ворошилов еще меньше вашего в школе учился, а он маршал! Я о другом хочу сказать. Дмитрий Романович, ведь мы специально текст написали. Вам оставалось только выучить. Ну, или своими словами, близко к тексту...

ОН. Я и рассказал.

ОНА. Ничего вы не рассказали! В том-то и дело!

ОН. Ну, не рассказал. Не смог.

ОНА. Я сама не люблю показуху. Не люблю, когда по бумажке. Но ведь другого героя Советского Союза в этом районе Москвы нет. Вы единственный. С кого еще пионерам брать пример, как не с вас?

ОН. Пример. Скажете тоже. Жил соби, никого не чипал, а тут вдруг пример.

ОНА. Да, это наша недоработка. Само собой разумеется, мы давно должны были взять над вами шефство.

ОН. Нэ трэба надо мною ничего брать, ни якого шефства. Я сам по соби.

ОНА. Это не вам решать.

ОН. Вам, значит?

ОНА. Не мне. Я бы детей к вам на пушечный выстрел не подпустила. Но наверху посчитали иначе.

ОН. Вы кто?

ОНА. В каком смысле?

ОН. Имья у вас е?

ОНА. Извините, я не представилась. Зоя. Зоя Анатольевна.

ОН. А по хвамилиии?

Она неожиданно смеется.

Шо смешного?

ОНА. Ничего, простите. Просто вспомнила некстати, что заметки в газету всегда коротко подписываю. «Зоя К.» Ка. И точка.

ОН. Так вы с газеты?

ОНА. Нет. Я работаю в городском комитете комсомола. А газета — это так, по случаю.

ОН. А я вжэ испужався. *(Смеется.)*

ОНА. Смешно. Испугался. Герой войны.

ОН. Как пропечатают, думаю, меня в газете.

ОНА. А вот следовало бы!

Улыбка моментально сходит с его лица.

Как Герой Советского Союза Пасху отмечает.

ОН. Та нэ було такого!

ОНА. А чем яйца красили? Синькой? Или луковой шелухой?

ОН. Злая вы.

ОНА. Да. Возможно. Но зла иногда не хватает.

ОН. Як по мне — у вас полный боекомплект.

ОНА. Вы почему звезду героя не надели?

ОН. Забув.

ОНА. А орден Ленина?

ОН. Закрутився.

ОНА. А ведь Женя должна была вас специально об этом предупредить.

ОН. Яка Женя?

ОНА. Племянница моя. Девочка, которая вас приглашала. Она освобожденный председатель совета дружины.

ОН. А, така... *(Позывает большую грудь.)* Гарна дивчина.

ОНА. Вы это оставьте! Она еще девочка!

ОН. Та я шо, я шуткую. Алэ глаза не замажешь. Хлопцы вид таких шалэнеють. Так про що вы говорылы?

ОНА (*не сразу.*) Недавно по делам поехала в свою школу. Которую заканчивала. Иду мимо барачков, а там мальчишки в «чику» играют. Я присмотрелась, а они медалями играют. Боевыми наградами. И это происходит в Москве! Городе, который через три месяца будет принимать у себя Всемирный фестиваль молодежи и студентов. К нам приедут посланцы из ста тридцати стран мира. А в это время на наших советских улицах советские дети играют в «чику» медалями. Позор!

ОН. То ж пацаны... Шо с них взять?

ОНА. А родители о чем думают? Как такое допускают?

ОН. Так як за мэдали гроши давать перестали, то на кой вони и сдались.

Пауза.

ОНА. Будем считать, что я этого не слышала.

ОН. А шо? Я правду кажу.

ОНА. И вот на совещании у товарища Шелепина я подняла вопрос об усилении патриотического воспитания нашей молодежи. И товарищ Шелепин меня поддержал. И начать мы решили с вас.

ОН. Тю! Я здесь до чого?

ОНА. Послушайте, ну как вы не понимаете? Это же элементарные вещи! Нам нужны такие люди как вы.

ОН. Яки люди? Кому нужны? Для чого?

ОНА. Этого я пока не могу вам сказать.

ОН. Та як взагали вы дийзналысь про мене?

ОНА. А вот русским языком придется заняться всерьез.

ОН. Цирк на дроти!

ОНА. Вот об этом я и говорю.

ОН. Идти до биса! (*Идет к выходу.*)

ОНА. Вас посоветовал Гайдар. Он сейчас готовит второе издание «Люди и подвиги». Я устраивала его выступление перед студентами Тимирязевки. Разговорились. Мы ведь с Аркадием Петровичем старые товарищи, еще до войны познакомились.

Он останавливается у двери. Она достает из сумки потрепанную книгу, открывает закладку.

(Читает.) «Поэма о топоре». Красноармеец Дмитрий Овчаренко вез патроны.

Обыкновенный парень из украинского села...

ОН. Нэ трэба. Я добрэ памьятаю свою биографию.

ОНА (*протягивая ему книгу*). Может, подпишете мне?

Он отворачивается, идет к дверям.

Куда же вы? Пойдите! Сейчас пионеры выгрузят транспаранты, и водитель отвезет вас домой.

Он выходит из зала. Она долго смотрит ему вслед.

Темнота.

Сцена вторая

3 августа 1957 года.

Деревянная беседка в парке культуры и отдыха.

Поздний вечер. Идет сильный дождь. В беседку вбегает Она. Сарафан на ней промок — хоть выжимай. Вот Она его и выжимает. Но выжатый спереди подол не решает проблемы. Тогда Она расстегивает пуговицы на лифе, оголяет плечи, собираясь снять сарафан. В этот момент из глубины беседки слышится деликатное мужское покашливание. Она отскакивает в сторону.

ОНА. Кто здесь? Немедленно покажитесь!

Чиркает зажигалка, в свете огонька видно его лицо.

ОН. Добрый вечер.

ОНА. Вы?! Откуда? Испугали меня.

Огонек гаснет. Он выходит из глубины беседки. Она торопливо застегивает сарафан.

Не чаяла вас встретить. Куда вы пропали? Женя моя... помните Женю?... несколько раз ходила к вам домой. На двери замок, соседи ничего не говорят.

ОН. На сборах был. С командой. Осенью чемпионат Союза по классической борьбе.

Готовимся.

ОНА. Ах да, вы же борец.

ОН. Да какой там к дьяволу борец. Вот раньше — да, выступал. Соревнования выигрывал.

А сейчас... С одной новой на ковер не выйдешь. Так, тренирую понемножку.

ОНА. Погодите, я и не сообразила сразу... Так вы разве не на фронте ногу потеряли?

ОН. Нет. В пятьдесят третьем, в марте, на радостях выпил, да вот тут, в этом парке, и заснул на лавочке. Очнулся в больнице. Уже без ноги.

ОНА (*сухо*). И что же за радость у вас случилась в марте пятьдесят третьего?

ОН. Да уж и не вспомню. А что такое?

ОНА. То есть в тот момент, когда вся страна была в глубоком трауре, вы позволяли себе радоваться? (*Внезапно.*) Постойте! А куда делся ваш украинский акцент?

ОН. Какой акцент? Ах, акцент! (*Паясничая.*) У пятьдесят третьем роци вид мене жинка втикла, грех було не выпить. Пам'ятаю, що напився як свиня, та ось тут же в парке на лавци и заснув. Прокынувся в лікарне, вже бэз ноги.

ОНА (*не сразу*). Зачем вы это делаете?

ОН. Я это называю «врубить хохла».

ОНА. Я спросила «зачем», а не как вы это называете. Ну? Отвечайте!

ОН. Так проще. Никто не цепляется. В душу не лезет. Какой с хохла спрос?

Пауза.

ОНА. Как здесь темно... Хотела бы я посмотреть на ваше лицо... Не могу понять, вы шутите или говорите всерьез?

ОН. Тут лампочка есть. Только я ее того... выкрутил.

ОНА. Так вкрутите обратно.

Он вздыхает, передает ей свою трость, снимает пиджак, ковыляет к выходу из беседки. Неожиданно ловко подпрыгивает на одной ноге, подтягивается на перекладине и по брускам добирается до центра беседки, где расположена лампочка. Повиснув на одной руке, другой он вкручивает лампочку. Беседка озаряется тусклым ее светом. Он спрыгивает вниз, приземлившись на единственную свою ногу.

Ловко вы...

ОН. Вы промокли вся. Пиджак мой накиньте, а то застудитесь.

ОНА. Спасибо. А вы как же?

ОН. Та я вже трошки согрелся.

Она отдает ему трость, накидывает на плечи пиджак, попутно обнаруживая в кармане початую «чекушку» водки.

ОНА. Согрелись, значит? Вижу я, чем вы грелись. Наверное, поэтому вас жена и бросила. Или как вы изволили выразиться «жинка втилка».

Он посмотрел на нее внимательно, словно бы решая, обидеться или нет. А потом хохотнул.

ОН. Мы нерасписанными жили. Нэ погано жили, не сварылись. А потом вона вбила соби в башку. Хочу, мол, горжету. «Що воно такэ — ця горжета?» Ну пийшов, подыдывся. Дохлятина якась. А вона три тысячи пятьдесят карбованцев коштуе. Нэма у менэ таких грошей. А нема грошей — нема й той бабочки. Так що самотний я. Сам живу.

ОНА. Я тоже одна живу. То есть не одна, у меня Женя прописана. Она дальняя родственница, по линии мамы. Но я ее племянницей называю.

ОН. А батьки ваши де?

ОНА. У меня только мамочка и брат. Отец умер, когда мне было десять лет. Мама одна нас вырастила. Сейчас она в Ленинграде, с братом живет. Он у меня художник.

ОН. Теперь понятно, почему вы ночами гуляете. Дома никто не ждет.

ОНА. С комсомольского рейда иду. Я ведь бригадомильцев инструктирую. Сейчас фестиваль, столько дел. Народ наш совсем одурел. Иностранцев увидели и как с цепи сорвались.

ОН. Так не каждый день живого негра побачишь. Я вот интересуюсь: они везде черные?

ОНА. И вы туда же! На Ленинских горах мои ребята задержали таких вот...

«интересующихся». Ведь что удумали! Напоили водкой двух делегатов из Африки, раздели их догола. Хорошо комсомольцы подросли. Африканских товарищей отправили в гостиницу, а наших — в ближайшее отделение...

ОН. Ну?

ОНА. Что?

ОН. Це вы мени скажить «што»?

ОНА. Не понимаю, вы о чем?

ОН. Ну... Негры везде черные? Во всех местах?

ОНА (*строго*). Я не смотрела. (*Не выдержала, засмеялась.*) Но ребята сказали, что везде.

ОН. До нас на «Динамо» сегодня теж понаехали. Балет плясали. Мне билет персональный выделили, но я не пошел.

ОНА. Африканцы приезжали?

ОН. Наши. Не розумию я этого балету. Скачут, ногами дрыгають. Чуть ли не голые...

ОНА. Зря вы так. Балет — это искусство. А советский балет — лучший в мире.

ОН. Може и так. Я не разбираюсь.

ОНА. А я люблю танцы. Вот сегодня в Кремле бал. Танцы до утра. Веселье. А я инструктаж провожу. Обидно немного, но ничего не поделаешь, такая работа.

ОН. Погано инструктируете. Лютуют ваши хлопцы.

ОНА. Что значит «лютуют»? Они все замечательные ребята!

ОН. Вот, допустим, идет человек в свой законный выходной день в церкву. А они его не пускают. Старушенций всяких пропускают, а трудового человека нет. Да еще кулаком норовят наподдать.

ОНА. Значит, все-таки, ходите в церковь. Как же я в вас ошибалась!

ОН. Ой, ну выбачте, що разочарував. Мэни дужэ соромно.

ОНА. Так, вы мне тут «хохла не врубайте». Ишь, гусь какой! Лапчатый! Сама виновата. Лучше надо в людях разбираться. Все-таки разведчицей была.

ОН. Вы? Разведчицей?

ОНА. А что тут удивительного? Пусть недолго, но была. Вызвалась добровольцем, когда фашисты к Москве подошли. Тогда много комсомольцев на фронт уходило.

ОН. Приметная больно для разведчицы.

ОНА. Вот мне сперва тоже так сказали. Товарищ Шелепин и сказал, когда я к нему в горком комсомола пришла. Но я сумела его убедить. Я умею убеждать! Ах, как же я его подвела. Ведь я ему за вас поручилась. Так вас расписала. А вы!..

ОН. Шо?

ОНА. Забирайте ваш пиджак! *(Скидывает пиджак.)*

ОН. А шо так? Брезгуете?

ОНА. Нет, отчего же. Просто уже согрелась.

ОН. Ну, как знаете.

ОНА. Он у вас пахнет как-то странно. Вроде как пометом птичьим.

ОН *(нюхает пиджак)*. Так это от голубей.

ОНА. Вы голубей разводите? Какая прелесть.

ОН. Не я, сосед. И не на продажу, прошу заметить.

ОНА. Это который участковый?

ОН. Он самый. Попросил помочь. Вы на открытии фестиваля были? Бачили, шо там видбувалось?

ОНА. Само собой разумеется! Товарищ Гастелло произнес такую речь!..

ОН. Не, я не про то. Голубей бачили?

ОНА. Конечно! Потрясающее зрелище! Сорок тысяч голубей взмыли над стадионом. Мне показалось, что в небо кипенно-снежная лава плеснула! Чудо что такое!

ОН. Ну ось. А куда эти голуби потом делись — знаете?

ОНА. Как-то не задумывалась. Голубями Владлен Кривошеев занимался.

ОН. Який Кривошеев? С Минского «Труда»? Борец? Бронза в наилегчайшем весе на чемпионате в Саратове?

ОНА. Нет.

ОН. А, ну да. Тот был Караваев.

ОНА. Кривошеев — инструктор из горкома комсомола, мой товарищ. Два года назад ему поручили развести достаточное количество голубей к фестивалю.

ОН. А, ну молодец цей ваш Кривошеев. Добре развел. Низкий поклон ему от московских голубятников.

ОНА. Я ему передам. Только еще понять бы, за что?

ОН. Ну, голубь он ведь как, он же не по прямой летает, он кругами ходит. И вот как среди

людей есть правши и левши, то и голуби тоже — одни по часовой стрелке летают, а другие против. Те, которые «против» — их меньше. И вот они никуда с Лужников не полетели, а остались под козырьками стадиона. И за ночь обосрали все трибуны. Руками не отмоешь. Вызвали пожарных. Те как сдуру врубили брандспойты на полную мощь — и посрывали все скамейки. Потом вызвали голубятников местных. Щоб допомогли голубей со стадиону выманить. Ну, мой сосед тоже вызвался. И меня с собой позвал. Мы с ним взяли за пазухи «сводчиц» с его голубятни и пошли. Богато сманили.

ОНА. «Сводчиц»?

ОН. Ну, это такая голубка, при виде которой голубь башку теряет. Летит за ней на чужую голубятню. За «свод» голубятники друг другу морды бьют. До поножовщины доходит. Но в этот раз все по закону. Породистые почтари на халяву — это ж сказка.

ОНА. Вы так много о голубях знаете. А говорите, что не увлекаетесь.

ОН. А я и не увлекаюсь. Я как-то с детства все больше по галкам да воронам.

ОН. В каком смысле?

ОНА. В смысле еды. Хата наша стояла на краю села. Рядом росли высоченные тополя. Так я раздобыл железных костылей, которыми рельсы к шпалам крепятся. Костыли эти потом вбивал в дерево, забирался наверх, как по лестнице, и зорил гнезда. Сначала яйца доставал. Потом птенцов. Мы их варили и ели.

ОНА. Зачем?

ОН. Жрать было нечего. Я ведь досыта в первый раз только армии и поел. У нас даже песенка такая была. "Любовь приходит и проходит, а кушать хочется всегда..."

ОНА. Всем тогда было тяжело. Всей стране. В тридцать третьем у меня отец умер. Так нас выселить хотели из комнаты, но прокурор не позволил. Папа работал бухгалтером в Тимирязевской академии. Мама учительницей. Трудное было время. Но мы ведь выжили! Подняли страну. Победили в войне! Ведь вы же сами в одном только бою двадцать три фашиста убили! И еще двадцать обратили в бегство.

ОН. То не я обратил, гранаты мои обратили. Сам-то я только двоих тогда положил.

ОНА. Я вот когда читала про вас в книжке, никак не могла себе представить, как можно отрубить человеку голову.

ОН. Як-як, сокирою.

ОНА. Это топором? Ах, ну да, «Поэма о топоре»...

ОН. «Поэма». Только в той поэме не написано, что у меня выхода другого не было.

Я патроны вез в часть. Когда фрицы меня остановили, а офицер ихний допрашивать стал, у меня только страх один и был. Полные штаны. Что в плен возьмут, что пытать будут. Вот тут случайно и вспомнил, что у меня топор в повозке лежит. Ну я офицеру башку и снес. Начисто. Даже успел удивиться, насколько легко мне это удалось. Потом гранаты кинул. Когда остальные фрицы разбежались, за вторым офицером побежал. Его тоже...

ОНА. То есть, что же, весь ваш подвиг — это просто случайность? Вы это хотите сказать?

ОН. Не знаю. Нет.

ОНА. Ну вы же сами только что сказали, что случайно вспомнили о топоре. А если бы не вспомнили? Или если бы топора вообще не было? Что тогда?

ОН. Тогда всё. Гаплык. Не разговаривали бы мы сейчас.

ОНА. Вот я все время об этом думаю.

ОН. О топоре?

ОНА. Нет. О случайности. Мне всегда казалось, что случайным может быть только признание, ведь людям всегда нужны герои, а вот сам подвиг... Подвиг — это подвиг. А оказывается, что и подвиг может зависеть от случая. Вот как у вас... Это ведь в самом начале войны было?

ОН. Так точно. Вот как раз третьего августа меня командование к награде и представило.
ОНА. Получается, сегодня годовщина? Извините, я не знала. Вы отмечаете?
ОН. Отмечаю. Но не это. Третьего августа фашисты колонну с беженцами разбомбили. Мама и сестренка погибли. Я только после войны об этом узнал.
ОНА. Мне очень жаль. Я вам, наверное, помешала. Вы простите... Дождь почти кончился, я пойду.
ОН. Оставайтесь. Выпейте со мной.
ОНА. Только если один глоток.
ОН (*протягивает ей бутылку*). Извините, закусить нечем.
ОНА. У меня конфеты, кажется, остались. (*Роется в сумочке.*) «Мишки на Севере». Мама все время привозит из Ленинграда, будто их здесь нельзя купить.

Она вытряхивает содержимое сумки на скамью. Среди вещей оказывается механическая машинка для стрижки волос.

ОН. А это зачем? Комсомольцев на лысо бреете?
ОНА (*смеется.*) А это оружие. У вас топор был, а у нас это... Против «сводчиц».
ОН. Шо? Против каких еще «сводчиц»?
ОНА (*берет в руки машинку.*) Против нахальных девиц, которые любовь крутят с делегатами. Вконец обнаглели. В открытую себя предлагают, никого не стесняются. Вот мои ребята ловят таких и машинкой... Портят им «товарный вид». Отличная штука. «Московский металлист» нам целую партию таких для комсомольских нужд выделил. Что? Что вы на меня так смотрите?
ОН. Ось вы яка.
ОНА. Какая? Жестокая? Злая?
ОН. От ви мені відразу не сподобалися. Ви на людей дивитеся так, ніби хочете в чомусь присоромити.
ОНА. Что? Что вы сказали? Я не поняла.
ОН. И не надо. (*Уходит.*)

*Она остается одна.
Темнота.*

Сцена третья

8 сентября 1957 года.

Комната в коммунальной квартире. Большая и светлая. И пустая.

Вся мебель отсюда вынесена, потому что Он готовится красить пол. Возле двери стоит трехлитровая банка с голубой краской, рядом лежат кисти.

Из репродуктора на стене слышен голос диктора: «... У нас в гостях младший научный сотрудник Музея обороны Ленинграда — Татьяна Савичева. Татьяна Николаевна прочтет страницы своего дневника, который еще девочкой начала вести в осажденном фашистами городе...»

В комнату входят Он и Она. На ней красное платье в черный горох с белым отложным воротничком. В руках коробка с тортом.

Он в драных спортивных штанах и майке.

ОНА. Вы только не прогоняйте меня сразу, я так долго к вам добиралась. Устала очень... Я поговорить с вами хочу.

ОН. О чем? Все уж сказано. *(Выключает радио.)*

ОНА. Ну зачем сразу в штыки? Я ведь не ссориться пришла, а мириться. Торт вот купила.

Сказали, что свежий. Ну, мир?

ОН. Я сладкое не уважаю.

ОНА. Хотя бы чаем меня напоите. И я сразу уйду.

Он идет к подоконнику, громыхает чайником.

ОН. Остыл. Подогреть надо. Не знаю только, остался ли керосин.

ОНА. А у нас до войны на Александровском проезде стояла маленькая будочка, в которой сидела кубовщица и отпускала кипяток.

ОН. Вы москвичка?

ОНА. Ну, почти... У нас вся семья из-под Тамбова. А вы откуда?

ОН. Луганские мы. Деревня Овчарово.

ОНА. Овчаренко из деревни Овчарово. Смешно.

ОН. Ну, вы тут посмейтесь, раз смешно, а я пойду чайник поставлю. *(Выходит из комнаты.)*

Оставшись одна, Она несколько раз сжимает пальцы в кулаки. Нервно ходит по комнате.

Останавливается возле краски. Открывает банку, опускает внутрь кисть. Проводит несколько раз кистью по полу. Разглядывает получившиеся полоски.

Он возвращается в комнату, неся в руках две жестяных кружки с водой.

ОНА. Вы простите, я тут посвоевольничала. Не смогла удержаться. Такой цвет!..

ОН. Керосину нет, а вот кипятком сосед поделился. Чай сейчас заварю. *(Идет к окну, ставит кружки на подоконник.)*

ОНА. Мама в детстве придумала для нас с братом игру. «Каляки».

ОН. Как? *(Бросает в кружки заварку.)*

ОНА. «Каляки-маляки». *(Смеется.)* Это очень просто. Вот смотрите!

Выводит краской на полу что-то вроде длинного яйца.

На что похоже?

Он подходит ближе, рассматривает.

ОН. Понятия не имею.

ОНА. А если присмотреться?

ОН. Ну... сосиска якась.

ОНА. Суть игры в том, чтобы в бессмысленной закорючке найти зерно будущего рисунка. Видите что-нибудь кроме «сосиски»?

ОН. Нет. Ничего не вижу.

Она пририсовывает плавники, хвост, чешую, глаз...

ОНА. А сейчас?

ОН. Ну, рыба. Рыба?

ОНА. Рыба. А сейчас попробуйте сами. *(Протягивает ему кисть.)*

ОН. Не хочу. Давайте чай лучше пить.

ОНА. Шура очень любил эту игру. Бывало, посажу я кляксу, а он тут же из нее цветок рисует. Хризантему, например. Обожаю хризантемы!

ОН. Шура — це брат?

ОНА. Да. Он замечательно рисовал.

ОН. А сейчас что, не рисует? Вы ведь сказали, що вин художник.

ОНА. Да, Шура исполнил свою мечту, стал художником, только... Еще года три назад все было прекрасно. Он рисовал, его ценили. Вместе с другими художниками командировали на целину. На этюды... Там они окунулись в самую гущу нелёгкой жизни. Претерпевали те же трудности, что и сами целинники, жили в тех же палатках и вагончиках. *(Вздыхает.)* Я так им завидовала! Шура привез с целины кучу прекрасных набросков. Но ни один не довел до ума. Просто отказался дальше работать. Так обидно! Остальные художники по итогам поездки организовали выставку, выпустили альбом, получили награды. А он все забросил. И стал рисовать... Я даже не знаю, как вам объяснить. Да я сама не понимаю!.. Спрашиваю его: «Шура, что это?». Он отвечает, что пейзаж. Я ему говорю: «Милый мой, так ведь совсем не похоже! Вспомни «передвижников», которыми мы так восхищались в детстве! Ведь они переворачиваются сейчас в гробах!» А он мне: «Отстань. Ты ничего не понимаешь. Я так вижу!» Я спорила с ним, убеждала, что это не искусство, а пачкотня. Напрасная трата времени и таланта. Бесплезно. Но самое странное, что мамочка целиком встала на его сторону. Даже переехала к нему в Ленинград. Демонстративно. Чтобы мне досадить. И обидать... Будто я враг!.. Она не говорит, но я чувствую... И с Днем рождения меня сегодня поздравила так, знаете ли, сухо, формально. Словно коллегу по работе. Брат так вообще к телефону не подошел.

Пауза.

ОН. Так у вас День рождения. Поздравляю.

ОНА. Спасибо. Вы, наверное, хотите спросить, сколько мне лет?

ОН. Да не особо.

ОНА. А я не скрываю. Мне сегодня исполнилось тридцать четыре года. Что, много?

Он молчит.

Раз молчите, значит — много. Я и сама знаю. В моем возрасте пора иметь семью и детей. Мама мне так прямо и говорит. Кажется, это ее тоже во мне разочаровало. Ну, не будем о грустном. Сегодня я хочу веселиться! Хотите погадаю? Дайте руку!

ОН. Не надо.

ОНА. Дайте, не бойтесь!

ОН. Не хочу.

ОНА. Станный вы человек! В церковь ходите, а гадать не хотите. Но я вам и без руки скажу. *(Торжественно.)* В эту пятницу вы были в горьком партии. Встречались с товарищем Фурцевой. Угадала?

Он молчит.

Ну почему вы молчите? Скажите мне, какая она?

ОН. Кто?

ОНА. Ну Фурцева же!

ОН. Так вы у нас гадалка, вы мне и скажите.

ОНА. Мне кажется, Фурцева замечательная! Настоящий коммунист и при этом красивая женщина.

ОН. Ну так, непоганая бабочка.

ОНА. «Бабочка»! Скажете тоже... Это вам не... Ну? Что она вам сказала?

ОН. А то вы не знаете?

ОНА. Я хочу услышать от вас.

Пауза.

ОН. Ничего она мне не сказала.

ОНА. Как?.. Подождите... Как это ничего? Вы так шутите надо мной?

ОН. Шучу.

ОНА. Вы и правда очень странный человек...

ОН. Вы мне уже говорили.

ОНА. У меня такое ощущение, что вы не рады.

ОН. Чему?

ОНА. Ну как же? Партия выдвигает вас в депутаты Верховного совета СССР! Я прыгала бы от счастья.

ОН. Так идите к своей Фурцевой, попрыгайте... Может, и вас куда выдвинут.

ОНА. Но ведь это не я герой войны. Я ведь никакого подвига не совершала.

ОН. Дался вам всем этот подвиг!

ОНА. Не понимаю. Как можно не хотеть признания твоих заслуг? Это ведь может открыть любые двери. Если бы я была на вашем месте, я ...

ОН. Ну? И что бы ты сделала?

ОНА. Не знаю. Не думала об этом. Но уж во всяком случае, не стала бы замыкаться в себе. И отказываться от высокого доверия партии тоже бы не стала.

ОН. Ты всегда так говоришь?

ОНА. Как «так»?

ОН. Ну, словно газету читаешь.

ОНА. А при чем здесь?.. У меня просто хороший литературный язык. Я еще в школе лучше всех сочинения писала. Думала даже писательницей стать.

ОН. А стала вечной комсомолкой.

ОНА. А я ни о чем не жалею. И мне не в чем себя упрекнуть. А если вы о том, что у меня мужа нет, так это вовсе не потому, что я никому не нравлюсь. Я многим нравлюсь. Даже очень. Но как можно с кем-то, если нет уважения? Еще Чернышевский говорил: «Умри, но не давай поцелуя без любви!» *(Пауза.)* А что у меня детей не может быть, то в этом нет моей вины. Многие после фронта забеременеть не могут, не я одна...

Молчание.

ОН. Я не хотел тебя обидеть. Прости.

ОНА. У тебя есть вторая кисть? *(Начинает снимать платье.)* Не хочу платье испачкать.

Оно у меня единственное выходное. Еще со школы.

Он настолько ошарашен, что даже не отворачивается. И не протестует.

Сняв платье, Она оказывается почти в такой же, как у него, майке. И спортивных трусах.

ОН. А как же чай? Торт?

ОНА. Что-то я расхотела есть.

Она берет кисть, начинает красить. Но красит не от окна, а от двери. Он не возражает, берет вторую кисть и присоединяется к ней.

Какое-то время работают молча.

ОНА. А ты заметил, что мы перешли на «ты»?

ОН. Отож.

ОНА. Если я тебя спрошу, где ты достал такую замечательную краску, ты скажешь правду?

ОН. Да. Почему нет?

ОНА. Тогда не надо. Не говори. Не хочу знать, что ею красили какие-нибудь трибуны, а ты отлил в банку и унес домой.

ОН (*взрываясь*). Да что с тобой не так?!

ОНА. Не знаю. Давно, еще в школе, одна девочка, которую я считала подругой, написала мне новогоднее пожелание. Я запомнила его дословно. "Зоенька, не суди людей так строго. Не принимай все так близко к сердцу. Знай, что все почти люди эгоисты, льстецы, неискренние и полагаться на них нельзя. Слова, сказанные ими, оставляй без внимания. Таково мое пожелание к Новому году". Помню я тогда сказала маме: «Если так думать о людях, то зачем жить?»

ОН. И что?

ОНА. И ничего. Как видишь — живу.

Пауза.

Внезапно она начинает хохотать. Вскочила, запрыгала.

ОН. Ты що, сбожеволила? Чи шо?

Она показывает ему, что выкрашенных участок пола отрезал их от выхода.

ОНА. Всегда мечтала оказаться на необитаемом острове! Я — Робинзон, а ты Пятница!

ОН. Почему пятница? Сегодня ж воскресенье!

ОНА (*смеется*). Милый, милый мой дикарь! Ну ничего, я сделаю из тебя человека! Настоящего советского человека!

ОН. Краска до завтра не высохнет.

ОНА. Значит — подождем. У нас есть торт, так что с голоду мы не умрем. У нас есть чай. И жажда нам не грозит.

ОН. Чай совсем остыл...

ОНА. Это не важно. Главное, у нас есть мы. (*Пауза.*) Поцелуй меня.

ОН. А как же Чернышевский?

ОНА. Он не узнает.

Поцелуй.

Темнота.

Сцена четвертая

*Этой же ночью. Комната освещена лишь пламенем свечи.
Она лежит к нему спиной, ее лица он не видит. Он ест принесенный ею торт.*

ОН. Я пам'ятаю все. Мама поклали на піч вузлики з квасолею, горохом, сочевицею... Веліла нам з сестрою на них сидіти. Те не допомогло. Виліз до нас один у будьонівці, розкидав по кутках і згріб усе з печі. Мама, ставши на коліна, просила, щоб не позбавляли дітей останньої надії. Та все було даремно.

І почалися для нас тяжкі дні. Ми харчувалися товченими качанами з кукурудзи, якими задалегідь запаслися для топки у печі, змішуючи їх із бруньками та листям липи, різними бур'янами. Я руйнував пташині гнізда і поїдав спершу яєчка, а потім і пташенят. Їв дохлу рибу в ставках, яка спливала навесні, задихнувшись взимку під товстим шаром льоду. Риба була вкрита білою пліснявою, а ми їли її сирію навіть без солі, яку теж важко було дістати. Схудла мама. Ми теж щодня танули. Не стало сили навіть ходити. Тягнуло впасти і лежати. Здебільшого так і робили. Ми вже відмирили, але тут прийшло спасіння - від сусіда. В колективі від сибірки здохла коняка. Сусід дізнався, де її закопали, і поволік мене з собою. Коли ми наблизилися до місця, то дохлятину вже різали і рвали. Дотовпився і сусіда. Відшматував кусок мені, а потім насилу собі встиг вихопити, хоча й руку йому було порізано.

Варили і їли ту гидоту. Підросла лобода - її почали їсти. Рвали гірчак, молочай. Зірвеш, а з нього виступає біле молочко. Хоча і гіркуватий, але їстівний. Спершу їли неочищеним. Коли вже живіт був повним, тоді починали чистити від листків і шкірки.

Мама відтухла, і я теж уже не був набряклим. Почали ходити в колектив. З першого обмолоту дали всім колгоспникам по відру муки. Пам'ятаю, несе мама ту муку, ступає обережно, щоб не впасти і не розсипати. Я іду за нею - послиню палець, устроюлю в муку і облизую. Я за свій вік переїв усього, але такої смакоти, як та мука, більше не знав.

*Он ест торт. Плачет.
Темнота.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сцена пятая

7 ноября 1957 года.

Комната в коммунальной квартире. Она маленькая, но находится в самом центре города — в начале улицы Горького. В окно видна Спасская башня Кремля.

Бьют куранты. Окно комнаты открыто, с улицы доносятся веселые голоса, играет гармонь. Она отходит от окна, идет в центр комнаты, где накрыт праздничный стол.

Что-то переставляет, проверяет сервировку.

Входит Он. На нем длинное кожаное пальто, в руках круглый чемоданчик — «балетка».

ОН. Я успел?

ОНА. Времени еще полно.

ОН. Опять курила?

ОНА. Ну, прости, прости. *(Походит к нему, целует.)* Я немного. Нервы. Все купил?

ОН. Как заказывала.

ОНА. И даже хлеб?

ОН. Пришлось огромную очередь отстоять.

Он открывает чемоданчик, достает хлеб, консервы.

ОНА. Так, ну крабы в последнюю очередь. А цветы? Цветы не забыл?

ОН. Дались тебе эти цветы. *(Достает из-за пазухи три гвоздики.)*

ОНА. Мама всегда говорит: «Цветы — лучшее украшение стола!» *(Ставит цветы в вазу.)*

Он достает из чемоданчика две бутылки водки.

ОН. Вот! Вот лучшее украшение стола.

ОНА. А вино? Верочка теперь пьет только вино.

ОН *(доставая бутылку вина.)* Я купил «Лидию». А кто такая Верочка?

ОНА. Верочка Волошина. Мы служили вместе. Она сейчас такая дама. Вот посмотришь, как она одевается. Картинка! Говорят, у Любове Орловой нет таких мехов, какие есть у нашей Верочки.

ОН. Хочешь, я тебе тоже горжету куплю?

ОНА. Ну при чем здесь горжетка, глупый ты человек! Не платье красит человека. Верочка сама по себе красавица. Скульптор Шадр ваял с нее «Девушку с веслом».

ОН. О!

ОНА. Но-но! Ты не очень! Юрочка Двужильный очень ревнив.

ОН. Это муж?

ОНА. Муж-муж. Так, он сядет рядом Верой.

ОН. А где сяду я?

ОНА. Со мной. Но только в том случае, если снимешь наконец плащ.

ОН. Прости. *(Снимает плащ.)* А кто еще будет с твоей стороны?

ОНА. Ты это так произнес, будто у нас с тобой сегодня свадьба. «С твоей стороны» ...

Давай договоримся: здесь сторон нет. Мы все просто собрались, чтобы отметить годовщину Великого октября. Согласен?

ОН. Как скажешь, зайныка.

ОНА. Вот и славно. А с твоей сторо... *(Смеется.)* Заразил меня своими «сторонами». С твоей работы кто будет?

ОН. Да я никого специально не приглашал. Толику Парфенову дал адресок. Может, заскочит.

ОНА. Это твой борец? Будущий чемпион?

ОН. Хороший парень. Скромным. Холостой. Надо его рядом с Женькой посадить.

ОНА. Женечке еще рано об этом думать. И сидеть за столом вместе со взрослыми — тоже не стоит.

ОН. Что ж ты ее, на кухню отправишь?

ОНА. Зачем? У них сегодня в школе праздничный вечер. Потом она отпросилась в гости к подружке.

ОН. Значит, Толя зря придет.

ОНА. Что значит «зря»? Ты что, сводничеством решил заняться?!

ОН. Даже в мыслях не было.

ОНА. Смотри у меня! Женька еще ребенок. Я отвечаю за нее!

ОН. А это место для кого? *(Указывает на почетное место по главе стола.)*

ОНА. А я тебе разве не сказала? Еще будет Аркадий Петрович.

ОН. Какой Аркадий?

ОНА. Гайдар, дурачок.

ОН. Сам?

ОНА. Собственной персоной. Так что ты на это место водку-то не ставь. *(Убирает бутылку.)*

ОН. Ты мне так и не рассказала, как вы познакомились.

ОНА. Разве? Мы познакомились перед войной. В санатории. В Сокольниках. Я восстанавливалась после менингита. Мама все переживала по поводу нашей дружбы. Ревновала. Но в войну Аркадий Петрович здорово нас выручил. Устроил маму лектором от ЦК КПСС. Ну и с комнатой помог. Иначе жили бы до сих пор в бараке на «Соколе».

Она ставит водку на другой конец стола — на второе «почетное» место.

ОН. А здесь у нас кто?

ОНА. Возможно, Давыдов заедет. Но я не уверена. Так что оставим это место пустым.

ОН. Давыдов?

ОНА. Первый секретарь МК комсомола. Мой начальник.

ОН. А этот твой... Шелепин? Тоже будет?

ОНА. Ну что ты! Шелепин сегодня в Кремле, на правительственном приеме.

ОН. Высоко летает.

ОНА. Железный Шурик делает карьеру. Вот у кого тебе надо учиться?

ОН. Заинька, если высоко летать — падать больно будет.

ОНА. Сейчас не те времена.

ОН. Времена всегда одинаковые.

ОНА. Знаешь, с такими мыслями!.. И я тебя очень прошу. Не «врубай хохла». И вот эти свои... воспоминания о голодном детстве... Давай в другой раз. Не та компания. Хорошо?

ОН. Как скажешь. Только ты сама всегда говоришь: «Я за правду».

ОНА. Это само собой разумеется. Я не отказываюсь. Но всему свое место и время.

ОН. Как скажете, Зоя Анатольевна.

ОНА. Ну вот, обиделся, чудак-человек!

ОН. Про то, что мы собираемся жить вместе — тоже им не скажем?

ОНА. А зачем? Это же такая проза, мещанство. Как ты не понимаешь?

ОН. Раньше это называлось помолвкой.

ОНА. Так это раньше. Тогда и девушек без их согласия замуж отдавали. Вспомни «Неравный брак» Крамского.

ОН. Это какое-то кино?

ОНА. Надо будет записать себе: в обязательном порядке отвести тебя в Третьяковскую галерею. Тебя же культурным людям совестно показывать.

Он молчит.

Почему опять надулся? Что я такого сказала?

Из коридора доносится звонок телефона.

ОНА. Межгород?

ОН *(рассеяно)*. Кажется.

ОНА. Это мама! Я сейчас.

Она выходит из комнаты. Оставшись один, Он подходит к радиоле, ставит пластинку. Звучит музыка. Решительно идет к столу, открывает бутылку водки, наливает в стопку. Выпивает. В комнату возвращается Она.

ОН. Как мама?

Она не отвечает.

Что-то случилось?

ОНА (*не сразу*). Шуру арестовали.

ОН. Как? За что?

ОНА. Они пошли на демонстрацию... И он ударил милиционера.

ОН. Ничего не понимаю... Как ударил? За что?

ОНА. Тот что-то сказал по поводу Сашиной девушки. Что-то оскорбительное про ее национальность. Она еврейка.

ОН. Так надо бежать!.. Надо ехать!..

ОНА. Куда? Зачем?

ОН. В Ленинград. У меня есть знакомые в кассах, я сейчас же поеду за билетом.

ОНА. Никуда ты не поедешь. Никто никуда не поедет.

ОН. Но почему?

ОНА. При обыске у Александра нашли запрещенную литературу.

ОН. Что? Какую? Какую еще литературу?

ОНА. Не знаю. Какая разница? Не все ли равно?

ОН. Очень большая разница. Не мне тебе говорить.

ОНА. Ты прав... Они могут подумать, что я тоже этом замешана.

ОН. Да кто «они»?

ОНА. Надо что-то делать... Запишусь на прием к Шелепину... Завтра же! Надо убедить его, что я здесь не при чем. Я ничего не знала! Не могла знать!

ОН. Ты никуда не пойдешь. Слышишь?

ОНА. Почему?

ОН. Я тебя не пущу.

ОНА. Но это абсурд! Я должна пойти. Я сумею его убедить! Я это умею!

ОН. Как? Как меня убедила выдвигаться в депутаты?

ОНА. Что? Что ты сказал? (*Бьет его по щекам.*) Скот! Грязный скот! Животное!

Он выходит из комнаты.

Дима! Димочка! Не уходи! Не бросай меня! Ты не можешь меня бросить!

Она бежит за ним.

Темнота.

Сцена шестая

29 ноября 1957 года.

Ее комната. Окно плотно закрыто одеялом.

Она лежит на диване, укрывшись с головой пледом.

Входит Он. В руке чемодан, за плечами вещмешок. Ищет рукой выключатель.

ОНА. Не включай свет.

ОН. По какому случаю светомаскировка?

ОНА. За мной с улицы подсматривают.

Он молчит.

Как съездил?

ОНА. Хорошо. Видел твою маму.

Теперь молчит Она.

ОН. Зоя, я открою окно?

ОНА. Голова болит. Свет глаза режет, потому и закрыла.

ОН. Уже вечер.

ОНА. Тогда открой. Только не надолго.

Он идет к окну, срывает одеяло. С улицы в комнату проникает свет фонарей.

ОН. Ты одна?

ОНА. Я всегда одна.

ОН. Не смешно. Где Женя?

ОНА. Я отправила ее к родителям.

ОН. А вот это тем более не смешно. В Тамбов? Посреди учебного года?

ОНА. Она беременна.

ОН. Что?

ОНА. Эта малолетняя дрянь забеременела. Беременная пионервожатая. Представляешь?

ОН. И... кто отец?

ОНА. Надеюсь, что не ты.

ОН. Зоя!

ОНА. Не кричи. Само собой разумеется, тебя никто не подозревает. Я еще в состоянии сделать простые арифметические подсчеты.

ОН. И на том спасибо.

Пауза.

ОНА. Вы победили?

ОН. Что? Да... Толя Парфенов взял золото.

ОНА. Поздравляю. Как Ленинград? В ноябре там особенно мерзко, не так ли?

ОН. А что ему делается? Стоит Ленинград. Твоя мама...

ОНА. Голова болит, ничего не помогает.

ОН. Может, доктора вызвать?

ОНА. Это тебе моя мама посоветовала?

ОН. Что? О чем ты?

ОНА. Сдать меня в больницу. Она, да?

ОН. Зоя, не дури.

ОНА. Она так один раз уже сделала.

ОН. Да что с тобой?

ОНА. Ты как заевшая пластинка. Вопросы, допросы... Хватит спрашивать. *(Встает.)* Я сейчас оденусь и поеду...

ОН. Куда?

Она молчит.

Я вызову врача.

ОНА. Если ты это сделаешь, я и правда уйду из дома.

ОН. Никуда ты не пойдешь. Это твой дом.

ОНА. Ты не знаешь, где мой дом. Никто не знает.

Пауза.

ОН. Я привез тебе подарок.

ОНА. «Мишек на севере»?

ОН. Нет. *(Снимает вещмешок, достает оттуда лисью горжетку.)*

ОНА. Мертвая лиса.

ОН. Не нравится?

ОНА. Она мертвая.

ОН *(пытается шутить)*. Живых у них не было.

ОНА. Зачем ты пришел? Когда ты уехал, я была уверена, что ты не вернешься.

ОН. Я на соревнованиях был. Чемпионат Союза. Меня не было всего пять дней.

ОНА. Это не ответ. Почему ты вернулся?

ОН. Я люблю тебя. Мы живем...

ОНА. А ты никогда не задумывался, почему одним людям он дает испытания, а других милует?

ОН. Кто?

ОНА. Ну, не Сталин же. И не Хрущев.

ОН. А кто? Про кого ты говоришь.

ОНА. Бог.

ОН. Ты сама говорила, что бога нет.

ОНА. А кто есть?

ОН. Странный какой-то разговор получается...

ОНА. Со мной служила одна девушка. Клава ее звали. Клава Милорадова.

ОН. Та самая? Герой Советского Союза? Ты никогда о ней не...

ОНА. Не перебивай, пожалуйста! Да, та самая... Мы дважды ходили с ней за линию фронта. Второй раз был последний. Для меня и для нее. Я ей говорю: «Ты ведь больше всего одна действуешь, тебе нужен безотказный наган, а у твоего тугой спусковой крючок. Возьми мой самовзвод». Но поблагодарила, но не взяла. Мы с ребятами пошли выполнять задание в Петрищево, а Клава в Гребцово. Там ее схватили. Меня тоже могли схватить, но я успела выстрелить. Понимаешь? Мой наган спас мне жизнь. А Клава погибла. Ее повесили. Пытали и казнили. Я потом была на опознании. Меня прямо из госпиталя вытащили. Я застудилась во время ночевки на снегу, начались осложнения после менингита и меня вскорости комиссовали... Но это было потом. А в феврале сорок второго нас всех, кто знал Клаву, повезли на опознание. Шелепина, меня, командиров нашей части. И... и еще мама ее поехала. Она на моих глазах поседела, когда тело увидела. Все твердила: «Как же так? Как же так?» Я ей хотела сказать про наган, но

промолчала. (*Достаёт из-под складок пледа пистолет.*) Номер 12719, Тульского завода, выпуск 1935 года. Он мог спасти ей жизнь.

ОН. Ты ни в чем не виновата. Это случайность, что она погибла.

ОНА. Опять... Опять... Не предназначение, не судьба, а... Подвиг как случайность?! Если это так, то лучше сойти с ума.

Он молчит.

В детстве мама читала нам с Шурой про Татьяну Соломаху. Белые в Гражданскую пытали ее, но не сломили. И тогда они жестоко казнили ее. Зарубили пашками. Отрубили руки и ноги... А потом и голову... И я хотела быть как она! Даже называла себя Таней. Мне казалось, что это имя мне больше подходит. Таня, Татьяна... Танечка. Хотела стать героем! Даже если придется умереть. Мечтала умереть!.. Умереть героем. А кем стала? Ничтожеством. Даже брата побоялась защитить. Предала своей Шурку...

ОН. Ты бы не смогла.

ОНА. Я ведь даже не пыталась... (*Внезапно.*) Откажись!

ОН. Что?

ОНА. Не слушай Шелепина, откажись! Еще не поздно! Ты можешь отказаться!

ОН. О чем ты говоришь?

ОНА. Железный Шурик умеет делать карьеру. Хрущев не вечный, понимаешь? Поэтому Шелепину нужны свои люди. Ты не знаешь, что происходит, а я не могу тебе сказать... Но все не случайно! Мы с тобой — это не случайно! Понимаешь? Прости меня... Прости! Я дрянь, я «сводчица», я тебя не достойна... Откажись! Ты борец, ты герой, ты сможешь!

ОН. Я тебе не верю. Ты не можешь... Только не ты...

Пауза.

ОНА. Я думаю, тебе лучше уйти. Время мертвых героев прошло, а живых еще не наступило. Уходи. Прямо сейчас. Да. Уходи, уходи, уходи, уходи... Ну почему ты не уходишь? Я прошу тебя, я очень тебя прошу.

ОН. Зоя!

Он бросается к ней, прижимает к себе.

В это момент раздается выстрел.

Темнота.

Вместо эпилога:

Любимая Зоенька!

Ты говорила, что передо мною откроются все двери. Это не так. Депутата Верховного совета СССР не пускают в твою больницу. Говорят, можно только родственникам. А я не подхожу. Передаю записку с твоей мамой. Она очень волнуется за тебя. И я тоже. Был на приеме у товарища Шелепина. Он помнит тебя и передавал привет. Намекнул, что скоро переходит на другую работу, где ему нужны будут верные комсомольцы. Надеется на твое скорое выздоровление.

Женя вернулась в Москву. Я дал ей ключ от твоей комнаты, она там прописана, пусть живет. Женя благополучно родила черного мальчика. Кудрявый. Полностью здоров. Отец неизвестен. Она не говорит, кто. Мы думаем, что и сама не знает. Ребенка назвали Сашей, отца записали тоже Александром. В честь Пушкина и твоего брата. Он прислал

из лагеря письмо на твой адрес. Я не открывал. Пусть дожидается тебя.

Я тебя тоже очень жду!

P.S. Медсестра здешняя сказала, что ты просила книгу про Татьяну Соломаху. А у них нет. На днях запишусь в библиотеке и обязательно возьму для тебя. Потерпи.

Любящий тебя Дмитрий.

20 марта 1958 года

Здравствуй, милый мой Пятница!

Мы умерли. Не удивляйся моим словам. Мы с тобой вышли из дома, а жизнь закрыла за нами дверь. Не мечтай о будущем, для нас его нет. Все очень просто, я узнавала, мне все точно сказали. Это тайна, но ты должен знать. Война продолжается. Ей нет конца.

Забудь про Зою.

Навеки твоя Таня.

Конец.

(В пьесе использованы свидетельства очевидцев, переживших Голодомор (1932-1933 гг.), опубликованные на сайте <http://www.golodomor.kharkov.ua/>)